

ПОДЪ САНКТЪ-МИХЕЛЕМЪ

въ 1808 году.

(По даннымъ архива генераль-аудиторіата).

I.

16-го марта 1808 года Императоръ Александръ обратился ко всѣмъ европейскимъ державамъ съ деклараціею, которая возвѣщала, «что отнынѣ часть Финляндіи, которая доселѣ именовалась шведскою и которую войска россійскія не иначе могли занять, какъ выдержавъ разныя сраженія, признается областью россійскимъ оружіемъ покоренною и присоединяется навсегда къ Россійской Имперіи».

Вслѣдъ затѣмъ «о покореніи шведской Финляндіи и о присоединеніи ея навсегда къ Россіи» объявлено было и всему ея населенію Высочайшимъ манифестомъ, изданнымъ 20-го марта.

Все это завершилось, наконецъ, къ первой половинѣ мая мѣсяца, присягою населенія и чиновъ управленія края на вѣрноподданство русскому Государю.

Посланная для принятія присяги должностныя лица, рассказываетъ К. Ординъ въ своемъ капитальномъ трудѣ—«Покореніе Финляндіи» (т. II, стр. 124—125)—свидѣтельствовали вообще о доброй волѣ и готовности, съ которыми населеніе приносило присягу. Донесенія эти были официальныя, и нѣкоторые финскіе писатели утверждаютъ, что то была присяга подневольная, а потому не придають ей положительнаго значенія. «Конечно,—замѣчаетъ

нашъ историкъ,—трудно читать въ душѣ людей, особенно при обстоятельствахъ, столь необычайныхъ, какъ перемѣна правительства. Жестокость партизанской войны, и упорное противодѣйствіе мѣрамъ правительства, образцы котораго дали послѣдующія событія, говорятъ въ самомъ дѣлѣ о томъ, что многіе изъ присягнувшихъ очень легко относились къ произнесенному обѣту вѣрности. Тѣмъ не менѣе, заключаетъ онъ, тотъ фактъ, что при принесеніи присяги не было примѣнено мѣръ насилія, доказательно не опровергается и этими (финскими) историками, и тѣмъ лишь худшими красками рисуются нравственные правила этихъ многихъ изъ присягавшихъ».

Но несомнѣненъ также и тотъ фактъ,—и этого не отрицаетъ нашъ историкъ,—что «война была еще въ полномъ разгарѣ, счастье оружія могло еще перейти на сторону непріятели, русскія войска могли еще потерпѣть неудачи и отступить,—и потому самая декларация 16-го марта 1808 года и вытекшіе изъ нея послѣдующіе акты—манифестъ 20-го марта и присяга, были явленіями, исключительными»¹⁾.

И дѣйствительно, уже въ половинѣ апрѣля 1808 г. военное счастье намъ измѣнило—сперва подъ Револаксомъ, потомъ подъ Пулхилло, потомъ на Аландѣ, потомъ на Готландѣ — и вотъ уже «начало мая застало русское оружіе побѣжденнымъ на островахъ Балтійскаго моря и на сѣверѣ; Тучкова — отступившаго до Гамле-Карлеби; шведовъ—распространяющихъ набѣги за Куопію; все народонаселеніе, за исключеніемъ полуденной части, въ волненіи противъ насъ. Завоеванная въ февралѣ и мартѣ Финляндія была до половины потеряна... Протянувъ черту отъ Гамле-Карлеби до Санктъ-Михеля, видимъ, говоритъ другой нашъ историкъ, Михайловскій-Данилевскій, — что все пространство, лежащее выше сей черты, было занято шведами, а ниже ея русскими»...

И такъ, уже изъ этихъ строкъ составленнаго имъ «Описанія Финляндской войны въ 1808 и 1809 гг.» (изд. 1849 г., стр. 75) явствуетъ, что Санктъ-Михель въ это время (къ началу мая) нами очищенъ, и имъ владѣли шведы. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ объ этомъ еще болѣе опредѣленно.

«Пораженіемъ Обухова (подъ Пулхилло, 20-го апрѣля), рассказываетъ Михайловскій-Данилевскій, совершенно открылась дорога въ Куопію, гдѣ находились наши команды, госпитали и запасы, а въ гарнизонѣ тамъ была только рота Могилевскаго полка.

¹⁾ К. Ордия, т. II, стр. 93.

Предшествуемый партизанами, Сандельсъ ¹⁾ двинулся къ Куо-пио, усиленными маршами, встрѣчаемый жителями, какъ избавитель, и обошелъ Куопио съ разныхъ сторонъ. Малочисленный гарнизонъ сколько могъ перестрѣливался, но долженъ былъ уступить многолюдству; 30-го апрѣля оставилъ Куопио и отошелъ къ Варкгаузу, но и тамъ не могъ удержаться. Тѣсняемые непріятелемъ, русскіе очистили Варкгаузъ *и даже Санктъ-Михель*... ²⁾

Михайловскій-Данилевскій рисуеъ далѣе слѣдующую картину положенія дѣлъ въ «завоеванной» нами Финляндіи, которую я считаю умѣстнымъ воспроизвести здѣсь, какъ фонъ для пониманія описываемыхъ мною ниже событій подъ Санктъ-Михелемъ.

«Не встрѣчая нигдѣ сопротивленія, Сандельсъ распространялъ тревогу во всей восточной Финляндіи, призывалъ жителей къ оружію и разбѣивалъ написанныя противъ насъ кородемъ шведскимъ въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ прокламаціи. Крестьяне вооружались дубинами, косами, чѣмъ могли, разбѣгая на телѣгахъ и верхомъ по всѣмъ дорогамъ. Возстаніемъ народнымъ руководили офицеры, пасторы и солдаты бывшаго Свартгольмскаго гарнизона, распущенные купитуляціею по домамъ. Вездѣ разглашали, что въ Саволакѣ слѣдуютъ большія ополченія. Нѣкоторые изъ находившихся въ Саволакской области начальниковъ малыхъ командъ нашихъ, видя общее вооруженіе и вѣря преувеличенной молвъ о непріятельскихъ силахъ, оставляли свои посты столь торопливо, что иногда были въ томъ останавливаемы солдатами»... ³⁾

При такихъ обстоятельствахъ, «опасаясь за Нейшлотъ и Вильманстрандъ, гдѣ не было гарнизоновъ, военный губернаторъ Старой Финляндіи, Обрѣзковъ ⁴⁾ отправилъ туда поспѣшно, не ожидая повелѣній изъ Петербурга, два гарнизонные баталіоны. Они были на походѣ, когда Обресковъ получилъ отъ графа Буксгевдена повелѣніе послать къ Санктъ-Михелю и Нейшлоту войска, какія по близости случатся. Изъ Старой Финляндіи тронулись три полка 6-й дивизіи, Баркляя-де-Толли; изъ С.-Петербурга отправили отдѣленіе гвардіи. Архангельскому военному губернатору фонъ-Дезину послано Высочайшее повелѣніе о принятіи мѣръ противъ набѣговъ бунтующихъ шаякъ въ Кореліи, могущихъ вторг-

¹⁾ Шведскій полковникъ, отраженный гр. Клингспоромъ, послѣ сраженія при Револакѣ 15 апрѣля съ 3,000 чел. и 6 оруд. на Куопиоскую дорогу.

²⁾ Тамъ же, стр. 64.—Курсивъ мой.

³⁾ Тамъ же, стр. 74—65.

⁴⁾ Носитель этой фамиліи писалъ ее иначе: *Обресковъ*. Такъ мы и будемъ писать ее впредь.

нуться въ предѣлы Архангельской губерніи. Въ такомъ неблагопріятномъ для насъ положеніи, заключаетъ Михайловскій-Данилевскій, были дѣла въ сѣверной и восточной Финляндіи въ концѣ апрѣля 1808 г.»¹⁾

Въ архивѣ Генераль-Аудиторіата сохранилось, хотя и въ очень плохомъ состояніи, военно-судное дѣло, произведенное въ 1808—1811 годахъ надъ командиромъ Вильманstrandскаго гарнизоннаго баталіона, подполковникомъ *Дункеромъ*, обвинявшимся въ оставленіи Санктъ-Михеля. Документы этого дѣла рисуютъ намъ это событіе въ новомъ свѣтѣ и позволяютъ утверждать, что Санктъ-Михель, въ дѣйствительности, вовсе не былъ нами оставленъ и не переходилъ въ руки шведовъ, какъ о томъ рассказываетъ въ своемъ «Описаніи финляндской войны 1808 и 1809 гг.,» Михайловскій-Данилевскій²⁾.

Самое обвиненіе Дункера представляется намъ теперь, при спокойномъ, ретроспективномъ взглядѣ историка на событія,—какимъ-то недоразумѣніемъ, основаннымъ на поспѣшныхъ, недостаточно полныхъ и опредѣленныхъ донесеніяхъ, на неправильной оцѣнкѣ съ тактической точки зрѣнія дѣйствій Дункера и, пожалуй, болѣе всего на растерянности высшаго начальства, происшедшей отъ неудачъ, столь неожиданныхъ послѣ быстрыхъ, блестящихъ успѣховъ,—смущенія предъ такими фактами, когда «начальники малыхъ командъ нашихъ, видя общее вооруженіе и вѣря преувеличенной молвѣ о непріятельскихъ силахъ, оставляли свои посты столь торопливо, что иногда бывали въ томъ останавливаемы солдатами»... Легко понять, что опасенія частаго повторенія такихъ случаевъ заставляло быть строгимъ ко всему, что походило на эту «поспѣшность» и «дѣлать изъ мухи слона», какъ говоритъ пословица.

На такой то психологической основѣ и выросло, по нашему мнѣнію, «дѣло Дункера», имѣвшее своимъ послѣдствіемъ то, что въ исторію финляндской войны 1808—1809 годовъ 'надолго вошли въ дѣйствительности не имѣвшіе мѣста факты очищенія нами Санктъ-Михеля и занятіе его шведами.

¹⁾ Тамъ же, стр. 65.

²⁾ Другой историкъ этой войны, К. Ординъ—о событіяхъ подъ С.-Михелемъ въ маѣ 1808 г. вовсе не говорить.

II.

Вотъ какъ началось это дѣло.

5-го іюня 1808 года тогдашній военный министръ, графъ Аракчеевъ увѣдомилъ главнокомандующаго Финляндскою арміею, генерала-отъ-инфантеріи графа Буксгевдена, что «Государь Императоръ, усмотрѣвъ изъ журнала военныхъ дѣйствій арміи, его сіятельству ввѣренной, съ 24-го по 27-е мая сего (1808) года, что Вильманstrandскаго гарнизоннаго баталіона командиръ, подполковникъ Дункеръ оставилъ постъ свой въ С.-Михелѣ безъ всякой предстоящей опасности, по одному только извѣстію казака о приближеніи возмутителей, будто бы для спасенія имѣющихся у него разныхъ казенныхъ бумагъ и суммъ, Высочайше указать изволилъ онаго подполковника Дункера за удаленіе отъ ввѣреннаго ему поста судить военнымъ судомъ...» (№ 1323).

Основаніемъ для изложенія этого событія въ журналѣ военныхъ дѣйствій послужилъ, очевидно, рапортъ начальника 6-й дивизіи, генераль-лейтенанта Баркляя-де-Толли, отъ 22-го мая 1808 г. (№ 11), которымъ послѣдній донесъ главнокомандующему, «что состоящій въ С.-Михелѣ въ исправленіи должности комендантской подполковникъ Дункеръ, предваренъ будучи о возмущеніи и вооруженіи жителей, получилъ потомъ 11-го дня сего (мая) мѣсяца отъ пикета казачьяго, состоящаго въ 7-ми верстахъ по дорогѣ къ Пексимегги, чрезъ одного спасагося казака, извѣстіе, что толпа вооруженныхъ мужиковъ напала на пикетъ и, отнявъ лошадей, разбила оный; при недостаточной же командѣ, изъ 42-хъ человекъ съ нимъ бывшей, которая по мѣстному тамъ положенію не вся была въ одномъ мѣстѣ, а разставлена въ нѣкоторыхъ пунктахъ, имѣя при себѣ разныя казенныя суммы и бумаги, необходимо нужныя для отчета, ожидая быть атакованнымъ, означилъ онъ пунетъ соединенія своей команды нѣсколько назадъ по дорогѣ къ Крестинѣ и отправился къ оной; при магазинахъ же остался безотлучно Минскаго мушкатерскаго полка поручикъ Лугвеневъ съ командою, состоящей изъ 14 человекъ; по собранію своей команды, подполковникъ Дункеръ, встрѣченъ будучи ротой Выборгскаго гарнизоннаго полка, въ С.-Михелѣ слѣдующей, возвратился тотчасъ назадъ и занялъ прежнее свое мѣсто...»

Обстоятельство это, о которомъ самъ Дункеръ, очевидно, и не считалъ бы нужнымъ доносить начальству, стало послѣднему извѣстно, какъ видно изъ того же рапорта Барклай-де-Толли, совершенно случайно вотъ какимъ образомъ:

«...Въ то самое время, когда онъ (Дункеръ) оставилъ С.-Михель, прибылъ туда Калужскаго мушкетерскаго полка майоръ Гейндрейцъ, присланный съ особеннымъ порученіемъ, который, выдавъ сіе донесъ генераль-майору Бороздину...» А этотъ послѣдній — Барклай-де-Толли.

Изъ послѣдующаго можно заключить, что донесеніе Гейндрейца было недостаточно обосновано и поспѣшно. Прибывъ въ С.-Михель и не найдя въ немъ Дункера, онъ, наслушавшись разказовъ о происшедшемъ на казачій пикетъ нападеніи, рѣшилъ, что С.-Михель очищенъ нами, хотя наличность въ немъ команды Лугвенева, казалось бы, говорила о противномъ. Если Дункеръ бросилъ магазины, ввѣренные его охранѣ въ С.-Михелѣ, изъ страха предъ «вооруженными мужиками», то зачѣмъ, думается намъ, было оставлять ему при этихъ магазинахъ какую-либо команду? Но такова уже, была тогда, повторяемъ, психика русскихъ военачальниковъ, разныхъ степеней и ранговъ, возбужденная неудачами, что все окрашивалось ими въ зловѣщій цвѣтъ и все давало поводъ къ подозрѣніямъ ¹⁾.

— «Я хотя и нахожу не совсѣмъ невиннымъ подполковника Дункера», — писалъ въ заключительныхъ строкахъ своего рапорта Барклай-де-Толли, — «но такъ какъ въ вѣдомствѣ его состоятъ нѣкоторыя казенныя суммы, равно и тамошніе магазейны, о которыхъ всѣхъ онъ долженъ будетъ дать отчетъ, то, дабы не затруднять оной, приказалъ за лучшее, впредь до повелѣнія вашего сіятельства, оставить сіи порученности при немъ (Дункерѣ), а командованіе поста у С.-Михеля поручить остающемуся тамъ съ резервнымъ баталіономъ Великолудскаго мушкетерскаго полка подполковнику Герике».

Получивъ Высочайшее повелѣніе о преданіи Дункера суду, графъ Буксгевденъ предписалъ Барклай-де-Толли «по отобраніи у Дункера казенныхъ денегъ и соединенныхъ съ ними отчетовъ», отправить его «подъ присмотромъ» къ военному губернатору Старой Финляндіи, генералу-отъ-кавалеріи Обрескову, а этому послѣд-

¹⁾ Характерно, что виновникъ дѣла, майоръ Гейндрейцъ не былъ спрошенъ судомъ въ качествѣ свидѣтеля. Изъ документовъ дѣла даже не видно, чтобы его разыскивали для этого, какъ другихъ (Герике, Петрова).

нему—«по представленіи онаго подполковника».—«нарядить комисію для производства надъ нимъ, Дункеромъ, военнаго суда».

Послѣдняя была «наряжена» при Выборгскомъ гарнизонномъ полку. «Презусомъ» былъ назначенъ полковникъ Филипсъ, а «за ассесоровъ»—штабсъ-капитаны Плехановъ и Фробесъ 1-й, поручики Гончаровъ и Мартьяновъ, подпоручикъ Хлоповъ и прапорщикъ Панкинъ. «Къ производству дѣла» назначенъ былъ аудиторъ Лапшинъ.

Въ описываемую эпоху весь судебный процессъ основывался исключительно на формальныхъ доказательствахъ. Судейское убѣжденіе въ винѣ или невинности подсудимаго не играло никакой роли, и потому одно изъ основныхъ правилъ современнаго намъ судопроизводства, что судейская коллегія должна быть неизмѣнна во все время разсмотрѣнія даннаго дѣла нарушалось самымъ жестокимъ образомъ. Краснорѣчивымъ примѣромъ тому служить дѣло Дункера. Началось оно при одномъ составѣ военной комисіи, протекало при другомъ и закончилось—при третьемъ. «Ассесоры», т. е. судьи и даже «презусъ», т. е. предсѣдатель уѣзжали въ отпускъ, въ командировки—и на мѣсто ихъ или назначались другіе, или самое производство останавливалось впредь до ихъ возвращенія... И каждый разъ подсудимый долженъ былъ давать подписку, такъ сказать, «авансомъ»,—впередь, что судьями своими онъ *будетъ* доволенъ... Понятно, какая это была «волокита»—и не мудрено, что несложное дѣло Дункера, начатое въ 1808 году, кончилось только въ 1811-мъ.

Такъ, прежде всего (2-го августа 1808 г.), назначенный «за ассесора» поручикъ Мартьяновъ былъ командированъ въ Сердобольскій госпиталь, а на мѣсто его «отряженъ» поручикъ Дмитріевъ 2-й. Въ октябрѣ 1808 года «презусъ», полковникъ Филипсъ и «ассесоры»: штабсъ-капитанъ Плехановъ и подпоручикъ Хлоповъ были командированы съ двумя ротами въ Кемію, а поручикъ Гончаровъ—въ Вильманстрандъ... Поручикъ Дмитріевъ оказался «одержимъ болѣзною...» Тогда обязанности «презуса» принялъ на себя шефъ Выборгскаго гарнизоннаго полка, генераль-маіоръ де-Жерве, а за ассесоровъ онъ «отрядилъ» маіора Ляпунова, поручиковъ Изылметева и Юрьева и подпоручика Караулова.

Но въ ноябрѣ и самъ де-Жерве оказался командированнымъ «по Высочайшей волѣ, для нѣкотораго порученія въ новопріобрѣтенную Финляндію...» Отъѣзжая въ эту командировку, онъ распорядился «состояція въ комисіи военнаго суда при Выборгскомъ

гарнизонномъ полку учрежденной, судопроизводныя дѣла надъ подполковникомъ Дункеромъ, штата комиссаріатскаго комиссіонеромъ 7-го класса Каналле и писаремъ Бахаревымъ... остановить до прибытія изъ Кеміо полкового командира, полковника Филипса, который по прежнему и займетъ мѣсто презуса.

Полковникъ Филипсъ вернулся изъ командировки въ половинѣ декабря 1808 г. и, вступая въ исполненіе обязанностей «презуса», объявилъ о новомъ составѣ комисіи военнаго суда: «вмѣсто находящихъся въ оной комисіи ассесоровъ поручиковъ Изылметева и Юрѣва, подпоручика Караулова и прапорщика Панкина, отряжены отъ полка поручики Гончаровъ и Мартыановъ, подпоручикъ Савельевъ и прапорщикъ Немыцкой.

И, наконецъ, въ январѣ 1809 года послѣдовала еще одна перемѣна: вмѣсто уволеннаго въ 14-ти-дневный отпускъ въ Сердоболь поручика Мартыанова вновь назначенъ былъ поручикъ Юрѣвъ.

При такихъ условіяхъ производства дѣла говорить о непосредствѣнномъ, дѣлостномъ впечатлѣніи отъ него у суда не приходится. Точки зрѣнія судей, мнѣнія ихъ о поступкѣ Дункера, очевидно, все время мѣнялись.

Прежде чѣмъ перейти къ изложенію обстоятельствъ дѣла, какъ онѣ выяснились изъ показаній подсудимаго и свидѣтелей, необходимо изложить по сохранившимся въ дѣлѣ документамъ обстановку, предшествовавшую событію 11-го мая 1808 года.

III.

Наиболѣе раннимъ документомъ въ дѣлѣ является предписаніе, данное генераль-маіоромъ Булатовымъ 24-го февраля 1808 года подполковнику Дункеру, чтобы онъ съ двумя находящимися при немъ ротами Вильманstrandскаго гарнизоннаго баталіона и съ третьею, долженствующею прибыть, «къ коимъ прибавится еще 25 человекъ казаковъ», остался въ С.-Михелѣ для содержанія караула и соблюденія порядка. При этомъ Дункеру наказывалось «особенно имѣть наблюденіе, чтобы жителямъ обидъ и притѣсненій отнюдь чинимо не было».

27-го февраля Булатовъ «командировалъ къ нему, Дункеру, одно орудіе съ надлежащими принадлежностями и съ числомъ нижнихъ чиновъ при фейерверкерѣ Клементьевѣ», а изъ находившейся у Дункера казачьей команды предписывалъ 15 казаковъ оставить у себя, а 10 человекъ отправить къ нему, Булатову.

6-го марта ген.-лейт. Тучковъ предписалъ Дункеру изъ числа расположенныхъ въ С.-Михелѣ трехъ гарнизонныхъ ротъ одну перевести въ м. Хейнола, а другую—въ Варгаузь, «въ родѣ гарнизонныхъ», приказавъ первой слѣдовать «прямѣйшимъ и удобнѣйшимъ трактомъ», а второй—по слѣдующему маршруту: с. Инголя—23 версты, Юккасъ—20 в., Койтасъ—20 в., Юрисъ—20 верстъ и Варгаузь—22 версты. Это предписаніе, помѣченное «г. Копію, № 140», требовало *немедленнаго* исполненія.

Маленькій гарнизонъ С.-Михеля, обезсиленный сразу на двѣ роты, лишился вслѣдъ затѣмъ и своей «артилеріи». Предписаніемъ отъ 16-го марта, № 197 (изъ д. Кайвастонъ) велѣно было единственное состоящее при немъ орудіе отдать баталіону Могилевскаго мушкетерскаго полка подполковника Обухова, «который на сихъ дняхъ будетъ проходить изъ Хейнола въ Копію для соединенія съ полкомъ».—«Исполненіе учинить,—гласила собственно-ручная приписка ген. Тучкова,—буде баталіонъ еще не прошелъ, если же опоздалъ полученіемъ, то оставить до удобнаго времени».

Но предписаніе это, видимо, не опоздало; опредѣляя впоследствии силы своего отряда, Дункеръ не упоминаетъ объ орудіи. Стало быть, оно было отдано Обухову и приняло съ нимъ участіе въ злополучномъ бою 22-го апрѣля при Пулхилло, гдѣ изъ трехъ состоявшихъ въ отрядѣ Обухова орудій, одно было потоплено, а два спасены по дорогамъ, почти не проходимымъ.

5-го апрѣля Дункеръ получилъ предписаніе генерала-отъ-кавалеріи Обрескова 1-го, отъ 3-го апрѣля № 1542, —«по случаю удаленія 5-й дивизіи къ сѣверу», оставить въ назначенныхъ мѣстахъ, при исправныхъ офицерахъ, по 25 рядовыхъ, а самому съ двумя ротами Вильманстрандскаго гарнизоннаго баталіона слѣдовать въ Вильманстрандъ и соединиться съ баталіономъ.

Къ предписанію этому приложена была копія повелѣнія главнокомандующаго, ген. отъ инф. графа Буксгевдена Обрескову отъ 1-го апрѣля, № 111, слѣдующаго содержанія:

„Милостивый Государь мой Александръ Васильевичъ! На донесеніе вашего высокопревосходительства отъ 28-го марта подъ № 1312, даю знать, что въ диспозиціи моей, данной войску отъ 27-го минувшаго февраля, сказано было, чтобы три роты Вильманстрандскаго гарнизоннаго полка, назначаемыя къ движенію за границу, заняли подъ начальствомъ ген.-лейт. Тучкова 1-го Копію, Санктъ-Михель и Хейнола для соблюденія въ оныхъ мѣстахъ порядка. Но теперь по причинѣ господствующей всюду тишины я болѣе не нахожу нужнымъ удерживать ихъ въ тѣхъ мѣстахъ, тѣмъ паче, что, судя по обстоятельствамъ, войско во время открытія водъ, потребитъ будетъ на берегахъ и потому покорно прошу ваше превосходитель-

ство по причинѣ удаленія 5-й дивизіи къ сѣверу сдѣлать черезъ кого слѣдуетъ отъ себя предписаніе, дабы оныя роты, оставя въ назначенныхъ мною мѣстахъ, при исправныхъ офицерахъ по 25 рядовъ, слѣдовали обратно въ Вильманстрандъ и согласно повелѣнія министра морскихъ силъ были бы готовы къ выступленію въ походъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть вашего высокопревосходительства покорный слуга

графъ Буксгевденъ.

Предписаніемъ *11-го апрѣля*, № 1763, генераль Обресковъ поропилъ Дункера отводомъ двухъ ротъ изъ С.-Михеля къ Вильманстранду— «дабы тѣмъ исполнить волю Государя Императора, объявленную военнымъ министромъ.

„Хотя по даннымъ вамъ порученностямъ—писалъ Обресковъ,—и слѣдуетъ ожидать разрѣшенія отъ генерала-отъ-инфантеріи графа Буксгевдена, какъ въ отношеніи Санктъ-Михеля, такъ и подвижного магазина, но, по обстоятельствамъ, заставляющимъ дѣлать движеніе войскамъ къ берегамъ моря, прибытіе ротъ Вильманстрандскаго баталіона въ вашемъ вѣдѣніи состоящихъ, тѣмъ нужнѣе, что въ нихъ настоятъ болѣе надобности здѣсь, чѣмъ у Санктъ-Михеля, посему и имѣете вы до резолюціи отъ главнокомандующаго собрать людей и... откомандировать, особливо съ постовъ. По перенесеніи уже военныхъ дѣйствій на значное отъ васъ разстояніе также и постъ, для выгона подводъ посланный, отправять къ баталіону въ Вильманстрандъ, замѣнивъ тѣ мѣста ротой Могилевскаго мушкетерскаго полка и тѣми людьми, кои доставлены къ вамъ изъ госпиталяей. Относительно же конвой, въ Оулеборгъ пошедшаго, то оный можете и послѣ возвратить къ баталіону. Самимъ же вамъ прибыть по сдачѣ транспорта и прочаго, если все это на вашемъ отчетѣ состояло, и будо вы не можете вмѣстѣ съ людьми прибыть къ баталіону. На случай недостатка людей въ замѣну гарнизона, отнесите къ ген.-лейт. Тучкову 1-му но гарнизонныхъ (ротъ) ни мало не задерживать, дабы тѣмъ исполнить мнѣ волю Государя Императора, объявленную мнѣ г. военнымъ министромъ“.

Изъ документовъ этихъ видно, какъ оптимистично еще въ первой половинѣ апрѣля 1808 г. смотрѣли вожди арміи на положеніе дѣлъ въ недавно завоеванной ими Финляндіи: «всюду господствуетъ тишина»,—писали они,—и вѣтъ болѣе надобности для поддержанія въ только что покоренной странѣ порядка и для охраны складовъ боевыхъ и жизненныхъ припасовъ держать даже такіе небольшіе гарнизоны, какъ двѣ, три роты... Считалось достаточнымъ имѣть «по 25 рядовъ», да и тѣ, оказывается, могли быть изъ людей, только что покинувшихъ госпитали...

Видимо, никто не ждалъ грозы... А она уже была близка, и 15-го апрѣля разразилась сперва у Револакса, потомъ—у Пулхилло, а затѣмъ и пошла волною, ураганомъ по всей странѣ...

Это вызвало тревогу за С.-Михель—и вотъ уже 20-го апрѣля Дункеръ получаетъ черезъ ген.-маіора Кублицкаго повелѣніе Обре-

скова о томъ, чтобы «двѣ роты ему, Дункеру, вѣренныя остались попрежнему въ С.-Михелѣ и расположены были въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ прежде находились, а если уже на походѣ (т. е. ушли изъ С.-Михеля), то возвратиться въ С.-Михель».

Что касается третьей роты, отправленной въ Вильманстрандъ, то относительно ея ожидалось распоряженіе главнокомандующаго—оставаться ей тамъ или снова идти къ Дункеру.

Между тѣмъ, этихъ ротъ ждали съ нетерпѣніемъ и въ тѣхъ пунктахъ, куда онѣ были первоначально направлены.

Комендантъ г. Куопіо, поручикъ Павленко 1-й послалъ 25-го *апрѣля* навстрѣчу педшей туда ротѣ записку слѣдующаго тревожнаго содержанія:

„Могилевскаго мушкетерскаго полка начальнику той роты, которая слѣдуетъ изъ Санктъ-Михеля на г. Копіо.

„Съ полученіемъ сего имѣете слѣдовать съ оною какъ наискорѣйше безъ роздыху. Экстренность требуетъ помощи къ защищенію учрежденнаго военно-временнаго госпиталя, также много продовольствія для войскъ находящихся въ г. Копіо“.

30-го *апрѣля* Куопіо былъ занятъ шведами. Теперь опасность угрожала уже Варгаузу, и комендантъ его, Могилевскаго мушкетерскаго полка шт.-кап. Юній шлетъ 3-го *мая* такое же тревожное «отношеніе» «всѣмъ полкамъ и командамъ, слѣдующимъ по дорогѣ, лежащей въ г. Копіо»:

„... Стараться наивозможно слѣдовать къ мѣстечку Варгаузену поспѣише, такъ какъ непріятель не болѣе въ 20 вѣрстахъ разстоянія отъ онаго мѣста Варгаузена и ожидаетъ (онъ, Юній), съ часу на часъ; но какъ при мѣѣ находится не болѣе 100 человекъ, то и прошу всѣхъ господъ командующихъ возможно поспѣшать по полученіи сего увѣдомленія дабы удержать онаго поелнку такъ какъ сотонть вѣренной мѣѣ команды весьма малое количество, удержать онаго не могу, почему и стараться поспѣшать“.

Дункеръ послалъ ему приказаніе «удерживать Варгаузъ до прибытія сикурса, а продовольствіе получать изъ Іорисъ-кирки».

Шт.-кап. Юній отвѣтилъ ему на это рапортомъ отъ 11-го *мая* въ которомъ сообщалъ, что такъ какъ куопіоскій леендсъ Гевдингъ Вибелькусъ «во всей губерніи сдѣлалъ возмущеніе и бунтъ, собирая милицію», то онъ послалъ развѣздъ до Лепевирдъ-кирки съ поручикомъ Павленко 1-мъ¹⁾; послѣдній, вернувшись, сообщилъ, что въ г. Куопіо болѣе 3,000 непріятельскаго регулярнаго войска,—пѣхоты и по числу ея кавалеріи, и что шведы дѣлаютъ развѣдки также до Лепевирдъ-кирки; тогда послалъ онъ за провіантомъ въ Іорисъ 5 человекъ, ждалъ ихъ два дня, но, не получая о нихъ ни-

¹⁾ Вѣроятно, бывшій комендантъ г. Куопіо.

какого извѣстія, рѣшился послать къ нему, Дункеру, нарочнаго; послѣдній, не добѣхавъ до Іорисъ-кирки 5 верстъ, вернулся съ сообщеніемъ, что «мужики» никого не пропускаютъ и стрѣляли по немъ; тогда онъ, Юній, командировалъ съ 25 человекъ того же поручика Павленко 1-го узнать о судьбѣ посланныхъ за провіантомъ людей. Павленко наткнулся въ Іорисѣ на ту же толпу вооруженныхъ «мужиковъ», численностью въ 400 человекъ. Не открывая по нимъ огня, онъ послалъ къ ленсману переводчика узнать о причинѣ сбора крестьянъ и объ участи караула у магазиновъ и людей, посланныхъ за провіантомъ. Ленсманъ отвѣтилъ, что не знаетъ, куда эти люди и карауль дѣвались, а онъ имѣетъ порученіе не пропускать русскія войска. Павленко тщетно уговаривалъ «мужиковъ» разоружиться и пропустить его къ нашимъ границамъ, а ленсмана—дать провіантъ и подводы. Ему во всемъ этомъ было отказано, и онъ вернулся съ командою въ Варгаузь. Такъ какъ люди уже семь дней были безъ пищи, то Юній «принужденнымъ нашелся» очистить этотъ пунктъ и отошелъ къ той же Іорисъ-киркѣ. Здѣсь повторилась та же исторія, что и съ поручикомъ Павленко 1-мъ. Число вооруженныхъ «мужиковъ» умножилось уже до 600 человекъ, и они заявили Юнію, что имъ велѣно не пропускать никого ни впередъ, ни назадъ. Однако, на этотъ разъ уговоры подѣйствовали. Русскій отрядъ былъ впущенъ въ Іорисъ-кирку, гдѣ и сталъ, было, въ ожиданіи помощи. Но такъ какъ и онъ провіанта получить здѣсь не могъ—было сказано, что «мужики» весь его разобрали,—то онъ перешелъ въ Іокасъ-кирку. Но и здѣсь провіанта не нашелъ. Отсюда Юній и послалъ Дункеру донесеніе о своемъ безпомощномъ положеніи, съ увѣдомленіемъ, что будетъ ожидать отъ него приказанія стоять или слѣдовать къ нему.

Но надъ головою самаго Дункера въ С.-Михелѣ нависла уже грозовая туча.

Опасаясь послѣ Кюопіо потерять и этотъ пунктъ съ его магазинами ¹⁾, ген. Обресковъ еще 4-го мая послалъ Дункеру слѣдующее предписаніе за № 2262:

Дошло до свѣдѣнія моего, что скопище шведовъ, вытѣснивъ изъ Кюопіо нашъ отрядъ, заняло сей городъ и что поручикъ Павленко Пермскаго мушкетерскаго полка съ частью людей принужденъ былъ отретироваться въ Варгаузь. Какъ сіе происшествіе не дошло отъ вашего мѣсто-

¹⁾ Въ магазинахъ С.-Михеля къ 11-му мая состояло запасовъ провіанта и фуража: муки 548 кулей 5 пуд. 18 ф., сахаровъ 450 пуд., крупъ—49 четвертей 6 четвериковъ 18 гарнц., овса—2969 четвертей, сѣна—7000 пуд., вина «на употребленіе нижнимъ воинскимъ чинамъ въ положенную порцію»—11 бочекъ.

пробыванія, то и посылаю съ симъ нарочнаго узнать отъ вашего высокоблагородія, какія вы имѣете свѣдѣнія о семъ случаѣ и не подвержены ли вы сами съ своимъ отрядомъ подобной опасности. На сей конецъ командирована мною въ Вильманстрандъ рота Выборгскаго гарнизона, подъ командою поручика Дубровина, и если обстоятельства требуютъ соединиться ей съ вами въ С.-Михелѣ или другомъ мѣстѣ, то съ симъ же посланнымъ пошлите повелѣніе г. Дубровину, которому предписано уже по полученіи вашего требованія слѣдовать въ назначенный пунктъ, а между тѣмъ поспѣшите донести мнѣ все, что только заслуживаетъ уваженія и вѣроятія о движеніи шведовъ и какое это войско: настоящее или взбунтовавшіеся поселяне, кто ими предводительствуетъ, въ какомъ оно количествѣ и по слухамъ куда имѣетъ направленіе. Если бы паче чаянія, подобное покушеніе осмѣлились шведы сдѣлать на С.-Михелѣ, то я позволяю себѣ надѣяться, что ваше высокоблагородіе благоразумными распоряженіями отразите ихъ дерзкое предпріятіе. А между тѣмъ даю вамъ знать, что сверхъ роты выборгской будетъ придвинутъ особый отрядъ войскъ къ Савитайполю. Слѣдовательно вы будете всегда поддержаны достаточнымъ сикурсомъ. О вашихъ слухахъ, какіе вы получаете будете, доносите мнѣ съ нарочными.

Эта директива была получена Дункеромъ *5-го мая*, и на основаніи ея онъ въ тотъ же день послалъ упомянутому въ ней поручику Дубровину предписаніе:—«съ полученія сего немедленно съ вѣренною ему ротою выступить изъ Вильманстранда и слѣдовать форсированнымъ маршемъ до С.-Михеля, гдѣ по прибытіи, для полученія приказанія явиться у него»,—подполковника Дункера.

8-го мая онъ шлетъ ему второе предписаніе, торопя слѣдовать «какъ наивозможно скорѣе и безъ роздыха; а чтобы остановки не было въ подводахъ, приказалъ онъ, Дункеръ, Крестинскому лейпману (ленсману) содержать ихъ въ готовности».

Въ тотъ же день, 8-го мая, Дункеръ донесъ генералу Обрескову въ рапортомъ за № 315:

Послѣ отправленнаго Вашему Превосходительству курьера, не имѣю я никакого свѣдѣнія изъ Варгауза, поставленные же мною по общимъ трактамъ посты на случай тотъ, чтобы при приближеніи непріятеля къ С.-Михелю должны извѣстить меня, но по разспросу моему здѣсь извѣстился, что опрочъ сихъ большихъ дорогъ можно достигнуть до С.-Михеля и другими около лежащими, равно по тракту отъ С.-Михеля черезъ Юкисъ и Юрисъ на станціяхъ не находится ни одной почтовой лошади, да и на послѣдней, и обыватели разбѣжались; отъ сего по сему тракту нѣтъ способу проѣхать; равно заняты мною при С.-Михелѣ черезъ рѣку мостъ, который въ случаѣ приближенія непріятеля, положено мною сжечь или разобрать, также батареи, сдѣланныя еще шведами, приказалъ срыть но какъ я имѣю при себѣ, за раскомандировкою, на лицо: оберъ-офицеровъ—3, унтеръ-офицеровъ—7, музыкантовъ—2 и рядовыхъ—61, и отъ безпрерывныхъ и безсмысленныхъ карауловъ люди начали заболѣвать, покорнѣе прошу Ваше Высокопревосходительство, опрочъ уже командированной Выборгскаго гарнизоннаго полка роты, которая по прибытіи въ С.-Михелѣ должна слѣдовать въ подкрѣпленіе въ Варгаузъ, прикоман-

дировать такое же число людей, каковое нынѣ имѣю, для облегченія въ С.-Михелѣ находящихся; намѣреніе же свое бунтовщики имѣють про-браться въ Нейшлотъ, а сего не уповательно, а скорѣе полагаю, что на С.-Михель, гдѣ находятся магазины. 10-го числа сего мѣсяца должны здѣшніе обыватели учинить присягу, чиновники уже отправились для тако-вой же въ Борго, впрочемъ въ С.-Михелѣ, равно и въ селеніяхъ онаго, все тихо и смирно, по увѣренію здѣшняго комиссара, о чемъ Вашему Гысокопревосходительству и доношу.

Предположенія Дункера, что объектомъ дѣйствій непріятеля является теперь не Нейшлотъ, а С.-Михель раздѣлялись и ген. Обресковымъ.

Съ прибытіемъ моимъ въ Нейшлотъ, писалъ онъ Дункеру 9-го мая (№ 2321), унавалъ я, что партія шведскихъ мятежниковъ слѣдуетъ къ С.-Михелю, почему поспѣшаю симъ дать знать, дабы вы взяли всѣ мѣры къ осторожности и были ежеминутно къ отраженію непріятеля готовы. Вручитель сего посластъ мною секретнымъ образомъ, съ которымъ поспѣшите мнѣ донести гдѣ теперь поручикъ Павленковъ, отправившійся изъ Копіо; если онъ оставилъ Варгаузъ, то соединился ли онъ съ вашимъ отрядомъ, при чемъ опишите мнѣ все бывшее съ нимъ происшествіе и потерю какъ людей, такъ и запасовъ¹⁾. Даю при этомъ вамъ знать, что въ С.-Михель посластъ мною изъ Выборга баталіонъ Великолуцкаго полка и еще вслѣдъ за нимъ пойдетъ одинъ мушкетерскій полкъ на подводахъ. За симъ же войскамъ идетъ къ С.-Михелю дивизія подъ начальствомъ ген.-лейт. Барклай-де-Толли. Когда же сія дивизія выступитъ изъ С.-Михеля и куда, постарайтесь дать мнѣ знать.

Предписаніе это получено было Дункеромъ въ С.-Михелѣ 12-го мая, но уже наканунѣ произошли тамъ роковыя для него событія.

IV.

Вотъ въ какомъ видѣ представляются онѣ по показаніямъ подсудимаго Дункера и свидѣтелей-участниковъ, даннымъ въ комисіи воинскаго суда.

— «Со времени, какъ занятъ былъ мятежниками г. Копіо», — показывалъ Дункеръ, — «и отрядъ нашъ оттуда ретировался въ Варгаузъ, а мятежники распространились уже до Юриса, нельзя было вытребовать ни изъ одного киршипиля, ни подъ какимъ видомъ, подводу для развозки по станціямъ провіанта и фуража для идущихъ къ С.-Михелю войскъ. На пути отъ С.-Михеля до Варгауза ни на одной почтовой станціи не было уже болѣе лошадей, населеніе бросило свои жилища и скрылось. Получивъ 3-го мая

¹⁾ Ген. Обресковъ спрашивалъ объ этомъ Дункера еще 4-го мая (№ 2262), но Дункеръ, какъ мы знаемъ, только 11-го мая, т. е. послѣ полученія настоящаго предписанія, получилъ отъ коменданта Варгауза, шт.-кап. Юни рапортъ, приведенный выше, изъ котораго узналъ, что пор. Павленко, отступивъ изъ Копіо, присоединился къ гарнизону Варгауза.

просьбу шт.-кап. Юни о поддержкѣ его, онъ, Дункеръ, не могъ ему оказать таковой, такъ какъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи въ С.-Михелѣ всего лишь 42 человекъ пѣхоты и 5 казаковъ. По малочисленности этихъ силъ онъ не могъ обезпечить даже самого С.-Михеля занятіемъ пяти большихъ дорогъ, отходившихъ отъ него, и обнаружить этимъ путемъ приближеніе противника. Между тѣмъ, шведскій купецъ Гаддингъ, сочувствовавшій утвержденію русскаго владычества въ краѣ, и «доставлявшій потомъ свѣдѣнія Барклауде-Толли», уже предупреждалъ его, Дункера, что «мятежники намѣрены его съ отрядомъ окружить и чтобы онъ принялъ мѣры...»¹⁾.

9-го мая казачій «нарядчикъ» Елепковъ донесъ Дункеру, что «жители, живущіе въ С.-Михелѣ возлѣ казачьихъ конюшенъ, на утро рано, при восхожденіи солнца, выбрались куда-то неизвѣстно; бывшія же на станціи у него почтовые лошади 10-го числа, послѣ отправленія службы Божіей, гдѣ обывателямъ было объявлено о присягѣ на подданство Россіи, всѣ бѣжали...»

Все это «подало» Дункеру «явное подозрѣніе...» И оно оправдалось очень быстро.

Казакъ Иванъ Усковъ и Михай Перфильевъ, стоявшіе на посту по Плескимякской дорогѣ, въ 5 верстахъ отъ С.-Михеля, только что вернулись на разсвѣтъ 11-го мая изъ разѣзда и стали кормить лошадей, какъ вдругъ были окружены толпою крестьянъ, которая выбѣжала на нихъ изъ лѣсу «съ большимъ крикомъ».

Увидавъ, что «мятежники» вооружены не только кольями, но и ружьями, казакъ бросился бѣжать... Усковъ пробѣжалъ лѣсомъ версты двѣ и, выйдя на большую дорогу, наткнулся на другую партію крестьянъ. Одинъ мужикъ догналъ уже было Ускова, схватилъ его за кафтанъ и оторвалъ ему воротникъ, но казакъ отбилъ отъ него саблею и благополучно добрался до С.-Михеля, гдѣ и явился къ Дункеру съ докладомъ объ этомъ происшествіи... Перфильевъ же былъ болѣе счастливъ: онъ никого не встрѣтилъ болѣе на Плескимякской дорогѣ и явился къ Гаддингу, «о семъ его извѣщать, такъ какъ зналъ, что весьма хорошо съ нашей стороны расположенъ». Дѣйствительно, Гаддингъ тотчасъ же указалъ Перфильеву безопасный путь въ С.-Михель, куда тотъ и добрался...

Получивъ отъ Ускова въ 4-мъ часу утра 11-го мая извѣстіе о появленіи подъ С.-Михелемъ вооруженныхъ крестьянскихъ бандъ,

¹⁾ Братъ этого Гаддинга— «изъ шведскихъ выходцевъ», по опредѣленію К. Ордина,—находился уже въ нашей службѣ и былъ «пристроенъ» къ Заемному Банку, но какъ знающій край и мѣстный языкъ прикомандированъ къ отряду Тучкова; Спрентпортенъ считалъ его тамъ «незамѣнимымъ». (Ординъ, т. II, стр. 18).

Дункеръ тотчасъ же собралъ своихъ людей со всѣхъ постовъ и командировалъ Вильманстрандскаго гарнизоннаго полка поручика Орлова и Минскаго мушкетерскаго полка поручика Лугвенева съ 17-ю рядовыми и 5-ю казаками уничтожить мостъ на пути изъ С.-Михеля въ Піексимякки—Варгаузъ—Куопіо.

Отрядивъ Лугвенева 6 рядовыхъ и 5 казаковъ для выполненія этого порученія, Орловъ съ остальными людьми занялъ мѣстность отъ магазиновъ до какой то горки, разставивъ ихъ на возвышенныхъ пунктахъ.

Лугвенева же, разломавъ мостъ и перерубивъ переднія балки его, также разставилъ своихъ людей по возвышенностямъ...

Мятежники, подойдя къ рѣкѣ, въ числѣ около сорока человекъ, и увидя мостъ разобраннѣмъ, а по берегу, на холмахъ—наши конные и пѣшіе посты въ числѣ большемъ обыкновеннаго, не осмѣлились форсировать переправу и разсыпались по лѣсамъ.

Оба эти офицера сохраняли занятое ими положеніе до самого прихода подполковника Дункера, который въ это самое время съ оставшимися у него 25-ю человекъ; при капитанѣ Карташевѣ ¹⁾, вышелъ на Крестинскую дорогу «въ томъ предположеніи, дабы не быть отрѣзану отъ соединенія съ ротой Выборгскаго полка», шедшею на подкрѣпленіе и находившеюся, по имѣвшимся у него свѣдѣніямъ, въ 5-ти верстахъ отъ С.-Михеля,—и черезъ 40 минутъ, въ 2½ верстахъ отъ С.-Михеля, соединился съ нею.

Приказавъ ротѣ зарядить ружья, Дункеръ, «не теряя ни минуты», вернулся съ нею въ С.-Михель.

Все это заняло у него полтора часа времени. Во время тревоги оказались похищенными 10 четвертей овса, лежавшихъ на полѣ, вдали отъ магазиновъ... Все остальное было цѣло...

Свидѣтели подтвердили объясненія Дункеромъ своего поведенія.

Купецъ *Гаддингъ* показалъ, что когда весною 1808 года разнесся слухъ, будто жители Кангаснеми и части С.-Михельскаго кирхшпила намѣрены «огрابتъ» С.-Михельскіе магазины, онъ «представлялъ жителямъ послѣдствія отъ такого намѣренія, непремѣнно происходящія», и донесъ о томъ Дункеру; что когда «украдены были мужиками двѣ казачьихъ лошади, въ дер. Рямья, изъ

¹⁾ Находившіяся при отрядѣ Дункера шт.-кап. Лавровъ командировалъ былъ курьеромъ къ ген. Обрескову; кромѣ 17 человекъ, посланныхъ съ поручиками Орловымъ и Лугвеневымъ, и 25 чел., вышедшихъ изъ С.-Михелемъ съ Дункеромъ, у послѣдняго находилось еще 12 чел. рядовыхъ—большими и 7 чел. при 1 унтер-офицерѣ находились «форпостомъ» въ Юкасѣ.

которыхъ одна спустя нѣсколько времени найдена», онъ, Гаддингъ, также донесъ объ этомъ Дункеру и указалъ ему, что «оная покража учинена приходскими крестьянами, что послѣ того и открылось», и, наконецъ, что онъ, Гаддингъ, «всегда доносилъ ему, господину подполковнику, ежели какое либо зломыслие откроется противъ войска Его Императорскаго Величества, тѣмъ болѣе, что онъ имѣеть брата, состоящаго въ службѣ Его Величества въ заемномъ банѣ кассиромъ, — надворнаго совѣтника фонъ-Гаддинга, который въ сей войнѣ слѣдуетъ съ г. генераломъ Тучковымъ»...

Выборгскаго гарнизоннаго полка капитанъ *Рубановскій* показывалъ, что, дѣйствительно, когда онъ былъ съ ротой въ Вильманстрандѣ, то 5-го мая получено было отъ Дункера на имя поручика Дубровина повелѣніе о слѣдованіи съ ротой въ С.-Михель, что и было того же числа исполнено; по дорогѣ получено было новое повелѣніе на имя Дубровина о послѣднѣйшемъ слѣдованіи роты. — «11-го мая, по утру часу въ 5-мъ, означенный подполковникъ Дункеръ, дѣйствительно, встрѣтился съ нимъ, Рубановскимъ отъ С.-Михеля полагаательно около 4-хъ верстъ... Дункеръ съ отрядомъ своимъ стоялъ на дорогѣ, и люди держали ружья у ноги... По встрѣчѣ, отъ Дункера было приказано зарядить ружья и слѣдовать впередъ, и онъ самъ, Дункеръ, съ отрядомъ шелъ сзади вмѣстѣ, и въ скоромъ времени всѣ пришли въ С.-Михель, гдѣ никакого нападенія и ни отъ кого производимо не было».

Поручикъ *Дубровинъ* и наличные нижніе чины его роты вполнѣ подтвердили показаніе капитана Рубановскаго. Нижніе чины роты Вильмандstrandскаго полка, «находившіеся въ ретирадѣ съ подполковникомъ Дункеромъ», также показали «по всей справедливости», что «какъ скоро ихъ со всѣхъ мѣстъ соединили, тотчасъ слѣдовали они по Крестинской дорогѣ, по которой, до трехъ верстъ не отошедъ, встрѣтилась Выборгскаго гарнизоннаго полка рота, почему г. подполковникомъ Дункеромъ тотчасъ была остановлена; приказавъ всѣмъ зарядить ружья, тотчасъ поворотился назадъ въ С.-Михель»... Свидѣтели полагають, «что и полтора часа не было, какъ опять возвратились обратно въ С.-Михель».

Нѣкоторый диссонансъ внесло показаніе капитана *Карташева*, который заявилъ комиссіи воинскаго суда, что «рота Выборгскаго полка ими не была ожидаема, ибо о маршѣ оной не было извѣстно, и съ мѣста, гдѣ занята была дорога, за горами видимо не было далѣе, какъ за полверсты, гдѣ тотчасъ по ея прибытіи приказано было возвратиться въ С.-Михель»... Время всего

«сего происшествія» Карташевъ опредѣлялъ — «близко двухъ часовъ», а разстояніе, на которое Дункеръ отошелъ отъ С.-Михеля, — въ 2½ версты.

На это показаніе, удивившее Дункера въ томъ, что выходъ его изъ С.-Михеля не вызывался тогда намѣреніемъ обезпечить соединеніе съ шедшею къ нему на подкрѣпленіе ротю, а какими то другими соображеніями, Дункеръ возразилъ, что ему извѣстно было о ротѣ Выборгскаго полка, такъ какъ она слѣдовала въ С.-Михель по его повелѣніямъ, о близости же ея онъ былъ увѣдомленъ курьеромъ, присланнымъ къ нему ген.-лейт. Барклаемъ-де-Толли и прибывшимъ въ С.-Михель въ 3 часа утра 11-го мая, о чемъ Карташеву «знать было нельзя»...

Судь не удовлетворился одними свидѣтельскими показаніями — и Великолукскаго мушкетерскаго полка капитану Харитонову «предпоручено было извѣдать мѣсто, гдѣ подполковникъ Дункеръ соединился съ ротю Выборгскаго гарнизоннаго полка». Съ этою цѣлью Харитоновымъ были взяты изъ роты Карташева, — унтеръ-офицеры Ерофей Соловьевъ и Сергѣй Ивановъ, которые и указали это мѣсто. Оказалось, что оно отстоитъ отъ С.-Михеля по Крестинской дорогѣ — въ 2½ верстахъ; «дорога же изъ Гейнола и другихъ кирхшпилей, которая соединяется съ Крестинскою, — отъ С.-Михеля въ одной верстѣ, а болѣе другихъ дорогъ не находится».

Спрошенъ былъ и остававшійся во время этого «происшествія» въ С.-Михелѣ при провіантскихъ магазинахъ Нейшлотскаго гарнизоннаго баталіона подпоручикъ *Паплаухинъ*, который показалъ, что «прошлаго мая 11-го числа, по возвращеніи обратно въ С.-Михель съ отрядомъ г. подполковника Дункера, тотчасъ же перетя находившійся въ вѣдѣніи его овесъ — кули, изъ числа ихъ не нашель 12-ти, о чемъ въ тоже самое время рапортоваль словесно подполковнику Дункеру, который стоялъ тогда съ отрядомъ еще на полѣ, но вскорѣ послѣ онаго узналъ, что спрятанъ есть овесъ въ пустомъ амбарѣ подъ поломъ, почему онъ взялъ съ собою унтеръ-офицера, съ которымъ и пошелъ въ вышеозначенный пустой амбаръ, въ которомъ найдя двѣ четверти, спрятанныя подъ поломъ, кои взявши, положилъ на прежнее мѣсто, о чемъ имъ было рапортовано г. Дункеру; на другой день, 12-го мая, пришелъ онъ къ Дункеру и сказалъ, что теперь пропало у него 10 четвертей и долженъ онъ о нихъ рапортовать, куда слѣдуетъ, но Дункеръ сказалъ ему, Паплаухину: — «погоди, авось либо откроются вору, — такъ получишь все обратно»... Но какъ виновные не были отысканы,

то 13-го числа подалъ онъ Дункеру письменный рапортъ, но онъ его не принялъ, сказавъ: «должны быть открыты со временемъ тѣ, кто овесъ сей украли, погоди еще»...

Но эти 10 четвертей такъ и не были найдены,—и Дункеръ заявилъ суду, что «таковой ущербъ казнѣ, понесенный во время тревоги въ С.-Михелѣ, онъ обязуется внести изъ своей собственности»...

Все остальное сдано было Дункеромъ новому коменданту С.-Михеля, Великолуцкаго мушкетерскаго полка маюру Герике,—полностью, «исправно», что Герике и удостовѣрилъ.

14-го мая въ С.-Михелѣ прибылъ съ двумя баталіонами Низовскаго мушкетерскаго полка начальникъ 6-й дивизіи генер.-лейт. Барклай-де-Толли. Спрошенный судомъ, что онъ нашель тамъ, онъ отвѣчалъ, что «о предпріятіяхъ мятежниковъ онъ никакихъ извѣстій уже не получалъ, вообще же видна была великая склонность вовсе вышедшихъ изъ повиновенія жителей къ безпокойствіямъ, къ разнымъ беспорядкамъ и злодѣяніямъ, что явствовало особенно въ нерѣдкомъ ихъ нападеніи на посылаемые изъ одного мѣста въ другое малые разѣзды и другія команды близъ самого С.-Михеля».

— «Послѣ моего прибытія туда,—писалъ Барклай-де-Толли,—одинъ казакъ убитъ, а одинъ уланъ и одинъ казакъ ранены пулями. Отъ шведскаго купца Гаддинга, посылаемаго мною часто для развѣдыванія, получалъ я извѣстія о движеніяхъ регулярныхъ неприятельскихъ войскъ, находившихся въ то время въ Піексимяки и въ Варгаузѣ, передовые посты которыхъ простирались до Юриса и Юкасса, а потомъ уже занимали и Рандесальмъ».

Вотъ и весь несложный фактическій матеріалъ по дѣлу оставленія Санктъ-Михеля гарнизономъ его подъ начальствомъ подполковника Дункера.

V.

Казалось бы, судебное слѣдствіе не обнаружило преступнаго умысла Дункера по малодушію оставить постъ, ему ввѣренный, и дѣйствія его кажутся намъ разумными: онъ приказалъ разрушить мостъ, ведшій въ городъ, дабы преградить рѣкою путь противнику, что и достигло цѣли; онъ занялъ «ведетами» позицію, прикрывающую магазины—и необычайнымъ количествомъ ихъ внушилъ противнику преувеличенное представленіе о силахъ гарнизона; онъ обезпечилъ себѣ подходъ подкрѣпленія и тѣмъ устранилъ возможность быть разбитымъ по частямъ и въ этомъ движеніи не обнаружилъ

намѣренія оставить вовсе С.-Михель, такъ какъ не шелъ до встрѣчи съ ротой Выборгскаго полка, а ждалъ ея подхода на избранномъ пунктѣ, гдѣ дѣйствительно съ нею и соединился, послѣ чего вернулся въ С.-Михель; онъ не взялъ съ собою изъ С.-Михеля больныхъ и не поторопился сжечь запасы провіанта... Но военный судъ взглянулъ на дѣло строго и въ сентенціи своей по дѣлу высказалъ, что Дункеръ, «яко начальникъ, не долженъ былъ предпринимать таковыя мѣры и самъ на столь дальное разстояніе (2½ версты) сдѣлать занятіе по Крестинской дорогѣ отъ своего поста, гдѣ провіанта и фуража состояло не малое количество, при томъ не видя еще и непріятеля, атаковавшаго себя (sic!), ибо артикуль 101-й ясно изображаетъ: «когда крѣпости или шанцы штурмованы будутъ, а начальники съ солдатами уступать прежде, пока они крайнюю свою силу учинили, и прибочное свое оружіе употребили, и съ непріятелемъ какую стычку имѣли»,—да и могъ бы Дункеръ отрядъ свой поручить капитану Карташеву для занятія означеннаго пункта отъ опасности, а самъ бы, находясь на своемъ посту при охраненіи онаго, магазейновъ и прочаго, государственной пользѣ и отечеству принадлежащаго, могъ распоряжаться благоразумно и защищаться до самой крайности, которой вовсе не случилось, то означеннаго подсудимаго подполковника Дункера за отступленіе съ поста своего безъ всякаго непріятельскаго нападенія, котораго самъ и не имѣлъ вовсе въ виду, приговорилъ, по силѣ воинскаго сухопутнаго устава, 97 артикула, къ смертной казни».

Мнѣніе военнаго начальства было благосклоннѣе. Шефъ Выборгскаго гарнизоннаго полка, генераль-маіоръ де-Жерве полагалъ, что «какъ подсудимый Дункеръ учинилъ преступленіе свое не отъ умышленности, а отъ легкомыслія и неблагоразумія своего, то надлежитъ его, Дункера, за отступленіе отъ своего поста безъ всякаго непріятельскаго нападенія, лишить чиновъ и оставить на службѣ...»

Генераль-отъ-кавалеріи Обресковъ 1-й находилъ, что «ежели бы подполковникъ Дункеръ, получа извѣстіе отъ казака о приближеніи возмутителей, оставилъ постъ свой единственно для спасенія только денежной казны и бумагъ, или отъ трусости, то онъ ретировался бы со всѣмъ отрядомъ и, не останавливаясь нигдѣ, шелъ бы далѣе; но онъ при первомъ извѣстіи о намѣреніяхъ возмутителей напасть на С.-Михель, послалъ ротѣ Выборгскаго гарнизоннаго полка повелѣніе о поспѣшнѣйшемъ слѣдованіи, а, узнавъ отъ казака о приближеніи мятежниковъ, сдѣлалъ распоряженіе къ предупрежденію замысла истребленіемъ моста, съ остальною же ма-

лою частью своего отряда самъ занялъ Крестинскую дорогу и тѣмъ предупредилъ непріятеля, дабы оной не могъ отрѣзать оную къ соединенію къ С.-Михеля, изъ чего и видно, что онъ, соображаясь съ обстоятельствами и положеніемъ мѣста, долженъ былъ принять сіи предосторожности не для спасенія одной суммы и бумагъ, а потому, уважая похвальную его до сего времени службу и точныя всегда выполненія возлагаемыхъ на него порученій, чѣмъ и отличался онъ предъ прочими штабъ-офицерами, исправляя съ особливымъ усердіемъ и рачительностью, передаетъ онъ, генераль-отъ-кавалеріи Обресковъ, жребій его, Дункера, на Высочайшее Его Императорскаго Величества, яко человѣколюбиваго Монарха, милосердіе...»

Обресковъ не ограничился однимъ этимъ официальнымъ изложеніемъ своего мнѣнія о невинности Дункера. Спустя шесть дней послѣ подачи этого мнѣнія, а именно 29-го марта 1809 года, онъ обратился съ письмомъ (№ 106) къ генераль-аудитору, князю Салагову съ ходатайствомъ представить дѣло о Дункерѣ на Высочайшую конфирмацію внѣ очереди.

— «Признательно могу сказать вашему сіятельству, писалъ онъ,—что я крайне интересуюсь симъ чиновникомъ, имѣя одинъ постъ и безъ него не могу препоручить онаго другому... Изъ многихъ опытовъ зная сего чиновника со стороны человѣка, заслужившаго особенную довѣренность и доказавшаго то акуратнымъ исполненіемъ даваемыхъ ему порученій, онъ по несчастію впалъ въ такое преступленіе, которое тѣми же словами пересказанное, означало бы необходимую осторожность, но ему причено было въ трусость...»

Ходатайства генерала Обрескова особаго успѣха не имѣли.

Генераль-аудиторіатъ нашель, что подсудимый Дункеръ объ оставленіи имъ поста своего въ С.-Михелѣ и о выступленіи изъ онаго съ состоящею при немъ изъ 25 человѣкъ командою, хотя и утверждаетъ, что учинилъ сіе по полученіи извѣстія отъ казака о приближеніи мятежниковъ шведскихъ крестьянъ, въ предположеніи томъ, дабы не быть отрѣзану отъ соединенія съ ротою, шедшею къ нему на подкрѣпленіе; но поелику не только въ тотъ день, даже и послѣ, на сей постъ непріятельскаго нападенія не было, а покушались было человѣкъ до 40 мятежниковъ пройти тамъ, гдѣ былъ черезъ рѣку мостъ; однакожь, увидя оный истребленнымъ, и сіи удалились въ лѣсъ; слѣдовательно, не только не предстояло необходимой надобности самому ему удалиться отъ ввѣреннаго по-

ста, гдѣ хранилось, какъ объясняется въ докладѣ, довольно количество казенныхъ припасовъ и денегъ, имѣя всю обязанность по начальству отдѣльнаго поста, не отлучаться, а изыскивать все мѣры и средства къ достовѣрному свѣдѣнію о всѣхъ малѣйшихъ движеніяхъ непріятеля, въ случаѣ жъ если бы и подлинно узналъ о намѣреніи мятежниковъ войти въ Санктъ-Михель по той дорогѣ, на которой онъ предполагалъ для отраженія ихъ соединиться съ шедшею къ нему ротой, то и тогда, безъ достаточныхъ причинъ не оставляя своего поста, послать бывшего при немъ капитана Карташева; но онъ, Дункеръ, какъ выше упомянуто, отправился и самъ, почему и оказывается виновнымъ въ упущеніи своей обязанности; потому по соображеніи воинскаго сухопутнаго устава съ 28-мъ артикуломъ полагаетъ: его, Дункера, лиша всѣхъ чиновъ, написать въ рядовые».

Только 17-го февраля 1811 года послѣдовала Высочайшая конфирмація по дѣлу Дункера. На всеподданнѣйшемъ докладѣ генераль-аудиторіата Императоръ Александръ I положилъ резолюцію:

«Не могу согласиться ни съ ген. Обресковымъ, ни съ аудиторіатомъ, одинъ выхваляетъ Дункера, другой излишнѣе строго его осуждаетъ. Его поступка другого не вижу какъ весьма плохое и необдуманное распоряженіе. Съ 25-ю человекими весьма можно было защищать свой постъ отъ мужиковъ когда въ 5-ти верстахъ отъ онаю находилась целая рота, следовало только послать къ ней повеленіе скорее идти и въ случае пресеченія коммуникаціи необходимо пробиться и придти въ С. Михель. За сей поступокъ достаточно Дункеру сделать строгій выговоръ».

Дункеръ же все это время, съ января 1809 года, содержался подъ арестомъ въ Выборгѣ.

Дальнѣйшая судьба его намъ неизвѣстна.

Вл. Апушкинъ.

